

М. В. Шистеров

***EXORNATORES* ИЛИ *NARRATORES*?**

(О некоторых особенностях антично-римского историописания)

Шистеров Максим Валерьевич, доцент кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26); кандидат исторических наук.

Shisterov Maxim, associate professor of the Department of General History of Urals State Pedagogical University (620017, Russia, Ekaterinburg, Kosmonavtov Avenue, 26); PhD.

Телефон/Phone: +7 (343) 235-76-34. Электронная почта/E-mail: mshisterov@rambler.ru

В статье рассматриваются некоторые особенности антично-римской историографии. Автор приходит к выводу, что римские историки не изучали реальные события прошлого («как это было на самом деле»). Исторические представления римлян формировали и подкрепляли социальную идентичность, которая базировалась на социально-политических, вневременных "примерах" (часто вымышленных).

Ключевые слова: античное историописание, Древний Рим, миф, память, идентичность.

***EXORNATORES* or *NARRATORES*?**

(about some peculiarities of Roman historiography)

This article discusses some of the specific features of Roman historiography. The author concludes that the Roman historians have not studied the actual events of the past. Historical compositions of the Romans formed the social identity which was based on the "examples" (often fictitious). The article also addresses problem of historicization of myth.

Keywords: ancient historiography, ancient Rome, myth, memory, identity.

Римляне были весьма озабочены своим прошлым. Не имея мифологии, которая бы заменяла им «древнюю историю» (как в случае греков), граждане Вечного города выработали ясно выраженную хроникальную (летописную) традицию – анналы²⁴³, впоследствии совмещенную с греческой формой историописания²⁴⁴. «Обновленная», таким образом, в III–I вв. до н. э. история Рима, быстро превращавшегося

²⁴³ См. у Цицерона: «...история была ничем иным как летописным сводом (*annalium confectio*), который сохранял для общества память о событиях...» (Cic. De Orat. II.12.51, пер. Ф. А. Петровского).

²⁴⁴ См. об этом: Сидорович 2005.

в империю, должна была обрести цельность²⁴⁵, непротиворечивость, мессианский характер²⁴⁶, иметь четкое представление о «начале» (в некотором смысле – и «конце»²⁴⁷). Новая история Рима должна была, посредством «исторических примеров», формировать принципиально иную идентичность, основанную, главным образом, на ценностном (этическом), а не этническом принципе²⁴⁸.

Римское представление об истории было тесно связано с памятью²⁴⁹. Неслучайно великий оратор М. Туллий Цицерон – сам имевший некоторый опыт историописания – определил историю как жизненный сок, кровь и плоть памяти, *vita memoriae* (Cic. De Orat. II.9.36)²⁵⁰. Поэтому римляне предпочитали для обозначения исторических сочинений использовать латинское слово *memoria*, а не греческий термин *historia* (*ιστορία*). Кроме того, римлянам не было чуждо и представление о «коллективной памяти», памяти общины – *memoria publica*²⁵¹. Перерабатывая уникальные исторические казусы в своего рода окаменелые вечные примеры (*exempla*), римская историография приобрела характерный для нее специфический характер «истории через примеры». В наибольшей степени этот воспитательно-дидактический мотив отличает сочинение Тита Ливия, завершающего эпоху «римской революции». В дальнейшем тенденция обращения к «примерам» республиканской эпохи (уже во времена Тацита воспринимавшейся как абсолютное прошлое²⁵²) будет сохраняться на протяжении всей истории античной историографии вплоть до Симмаха, Клавдиана и Аммиана Марцеллина.

Римлян в значительной мере не интересовал конкретно-исторический контекст тех или иных событий или поступков, равно как и индивидуальные черты или особенности лиц, совершавших эти поступки или принимавших участие в событиях. Их интересовали сами *поступки* – деяния, которые понимались как независимые от контекста *примеры* (положительные или отрицательные); то, чему следует

²⁴⁵ Достаточно сравнить в этом аспекте историю Геродота с фундаментальным сочинением Тита Ливия.

²⁴⁶ Отсюда возникает идеологема «справедливой войны». См. об этом: Brunt 2006: 175-178.

²⁴⁷ Озабоченность римлян «концом истории», который отождествлялся, естественно, с концом Рима эксплицитно проявлена уже у Полибия (Polyb. 39. 5–6) в сцене оплакивающего погибший Карфаген Сципиона Эмилиана.

²⁴⁸ Дементьева 2010: 166-167; Махлаюк 2010: 187. Ср.: Isaac 2004: 225-235.

²⁴⁹ В известном смысле коммеморизированы были все сферы жизни римского общества (особенно, на уровне элиты): от погребальных обрядов, праздников, памятных мест до историописания, искусства красноречия и права.

²⁵⁰ «Жизнь памяти» в переводе Ф. А. Петровского.

²⁵¹ Gowing 2005: 14-17.

²⁵² Tac. Ann. I.3.7: *quotus quisque reliquus, qui rem publicam vidisset?* («много ли еще оставалось тех, кто своими глазами видел республику?»), пер. А. С. Бобовича).

подражать и, напротив, чего следует страшиться²⁵³. Наиболее убедительно это можно продемонстрировать в том случае, когда традиция сохранила две или более версии события. Например, хрестоматийная история Тита Манлия (консула 340 г. до н.э.), получившего прозвище (*cognomen*) Торкват, за то, что в поединке сразил некоего галла, выиграв для римлян сражение, известна в нескольких версиях. Сравнимая Манлиеву историю Клавдия Квадригария, сохраненную автором II в. н.э. Авлом Геллием (Gell. IX.13.7–19), с рассказом о поединке Тита Ливия (Liv. VII.9.7–10.14), писавшего примерно полвека спустя после Клавдия, невозможно не удивляться разному в передаче «фактов» (притом, что Ливию, безусловно, был известен текст Квадригария!). Так, у Клавдия галл сражается с Манлием обнаженным (но с одетыми на тело украшениями), у Ливия он одет в роскошный доспех. Совершенно несходным образом описан сам поединок, притом, что оба автора указывают *каким именно образом* римлянин сразил своего противника²⁵⁴. Зато, если отвлечься от «деталей», описание самих сражающихся подчинено общей схеме: галл не назван по имени, он «огромного и дикого вида», выглядит и ведет себя экстравагантно-вызывающе (поет, пляшет, показывает язык); Манлий (подчеркивается, что он знатного рода и уже зарекомендовал себя как достойный гражданин), вооруженный по-римски (пехотным щитом и «испанским мечом»), напротив, лишен каких-либо внешне ярких индивидуальных черт (отмечается только его храбрость и благородство). Ливий даже считает нужным подчеркнуть, что Манлий был «среднего воинского роста и вооружен скромно». Кроме того, автор истории «От основания города» вносит в описание некоторые элементы, которые отсутствуют у его предшественника: перед поединком с галлом Манлий просит разрешения вступить в бой у «вышестоящего» (диктатора), а когда римлянин сражает своего противника и снимает с него торквес, Ливий – вопреки версии Клавдия, указывавшего, что Торкват отрубил убитому голову – пишет, что тот снял ожерелье с галла, «не ругаясь над телом павшего»²⁵⁵. Данный эпизод, на наш взгляд, показывает, что римскому историку важна не фактическая («как это было на самом деле»), а ценностно-этическая сторона истории Торквата – истории, которая выступает как «пример» для потомков! И ладно, если бы это обстоятельство касалось только полуполюгендарных поединков героев ранней Республики, но схожим образом обстоит дело и, например, с битвой при Каннах (216 г. до н.э.), как она описана у Ливия и Аппиана (Liv.

²⁵³ Впрочем, у римлян существовала и развитая антикварная традиция, которая отчасти компенсировала эти особенности римской историографии.

²⁵⁴ Давно замечено, что у Ливия в описании поединка Манлия с галлом присутствуют гомеризмы.

²⁵⁵ Цитаты из сочинения Т. Ливия приводятся в переводе Н. В. Брагинской.

XXII.38.6 – 50.3; App. VII.3.17–4.25), значение которой заключается для древних историков прежде всего в том, что она дает примеры «правильного» (Эмилий Павел) и «неправильного» (Терренций Варрон) поведения... Равно, когда автор «Жизнеописания двенадцати цезарей» пишет о неумении плавать императора Калигулы²⁵⁶ или обжорстве Вителлия²⁵⁷, он менее всего озабочен вопросом о том, «как это было на самом деле?»; его интересует не факт «сам по себе», а та характеристика, которую он несет: неумение плавать – признак неразвитости (не только физической!); неумеренность в еде – «алчности»²⁵⁸. Подобные примеры можно множить и множить, потому что это матрица, которая составляет структурную основу римской историографии. При этом вышесказанное, разумеется, не означает «фиктивности» упомянутых событий: «факты», сохраненные античной традицией, могут иметь подлинное историческое ядро или не иметь его (для выявления этого «ядра» существуют специальные методы анализа), но для римской – в известной степени и греческой – историографии событие «само по себе», вне ценностно-этического измерения, не имело значения.

Показательно, что римляне – как и эллины – были весьма озабочены проблемой «исторической истины», но почти полностью игнорировали проблему исторического источника (притом, что уже Фукидид в своем труде эксплицитно поставил обе эти проблемы²⁵⁹). Если первая из них не переставала привлекать к себе внимание интеллектуалов вплоть до поздней античности, вторая осталась совершенно не разработанной: например, Лукиан (II в. н.э.) в своих рекомендациях «как следует писать историю», несколько раз подчеркивает, что историк

²⁵⁶ Suet. IV.54.2: «Однако при всей своей ловкости плавать он не умел» (здесь и далее – пер. М. Л. Гаспарова).

²⁵⁷ Suet. VII.13.3: «Не зная в чревоугодии меры, не знал он в нем ни поры, ни приличия – даже при жертвоприношении, даже в дороге не мог он удерживаться: тут же, у алтаря хватал он и поедал чуть ли не из огня куски мяса и лепешек, а по придорожным харчевням не брезговал и тамошней продыmlенной снедью, будь то хотя бы вчерашние объедки».

²⁵⁸ «Алчность» здесь следует понимать в широком смысле – как неумеренность, ненасытность, «умножение себя за счет других» (людей и богов), личностно и социально деструктивное качество, которое может проявляться в самых разных вариациях: чревоугодии, сладострастии, властолюбию, роскоши, гордыне; то есть как нарушение принципа «ничего сверх меры»; причина всякого зла.

²⁵⁹ Thuc. I.22.2–3: «Что же касается событий этой войны, то я поставил себе задачу описывать их, получая сведения не путем расспросов первого встречного и не по личному усмотрению, но изображать, с одной стороны, лишь те события, при которых мне самому довелось присутствовать, а с другой – разбирать сообщения других со всей возможной точностью. Основательная проверка сведений была делом нелегким, потому что свидетели отдельных событий давали разное освещение одним и тем же фактам в зависимости от их расположения к одной из воюющих сторон или силы памяти» (пер. Г. А. Стратановского).

должен описывать событие «как оно есть на самом деле»²⁶⁰ (Lucian. Hist. 41; 51), однако проблему источника, по сути, редуцирует к «особому чувству», «дару» автора сопоставлять свои свидетельства (Ibid. 47). Вопреки распространенному мнению, суровая критика Лукиана в адрес своих современников, занимавшихся историописанием, не просто свидетельствует о «крайне низком уровне» исторической литературы эпохи Империи²⁶¹, но демонстрирует специфику античного взгляда на историографию вообще. Формулируя свой «позитивный идеал историографии», Лукиан пишет: «...да будет мой историк таков: бесстрашен, неподкупен, независим, друг свободного слова и истины, называющий... смокву смоквой, а корыто – корытом, не руководящийся ни в чем дружбой или враждой, не знающий пощад и жалости, ложного стыда или страха, справедливый судья, доброжелательный ко всем настолько, чтобы никому не давать больше, чем он того заслужил, чужестранец, пока он пишет свой труд, не имеющий родины, не знающий никакого закона, кроме самого себя, не имеющий над собой никакого владыки, не мечущийся во все стороны в зависимости от чужого мнения, но описывающий то, что есть на самом деле» (Lucian. Hist. 41, пер. С.В. Толстой). Здесь мы наблюдаем один из главных парадоксов античной «исторической науки» – при всем очевидном стремлении к истине, она была необычайно равнодушна к «технической» (а значит – верифицируемой) стороне «производства» исторического знания²⁶², которое всегда мыслилось как боговдохновенное творчество, зависящее исключительно от личных качеств, способностей и возможностей того, кто брался писать историю (бесстрашие, неподкупность, независимость и т. д.). Задача историка была в том, чтобы возвеличить, прославить или осудить, то есть дать ценностную характеристику событию, явлению или лицу. А также, говоря словами Цицерона, «доставить читателю большое удовольствие», преподав, своего рода, нравственный урок: «Ведь самый порядок летописей не особенно удерживает наше внимание; это как бы перечисление последовательности должностных лиц; но изменчивая и пестрая жизнь выдающегося человека часто вызывает изумление, чувство ожидания, радость, огорчение, надежду, страх; а если они завершаются примечательным концом, то от чтения испытываешь приятнейшее наслаждение» (Cic. Fam. V.12.5, пер. В. О. Горенштейна). Неудивительно поэтому, что «история» в представлении античных интеллектуалов не была чет-

²⁶⁰ Здесь присутствует *кажущееся* противоречие между эксплицитно заявленным требованием к историку писать «как было на самом деле» и реальной историографической практикой. Ниже мы покажем один из вариантов разрешения этого противоречия.

²⁶¹ Махлаюк, Суриков (авт.-сост.) 2008: 264.

²⁶² Притом, что «форме» исторического нарратива придавалось огромное значение! В некотором смысле древних авторов больше интересовало «как написано», а не «что написано».

ко отграничена от поэзии и ораторского искусства (хотя попытки провести такую демаркацию предпринимались), а значит – от личности историка, поэта или оратора.

Римляне, заимствовав у греков историографический жанр, продвинулись гораздо дальше своих «учителей» в использовании прошлого. Не имея развитой мифологии, которая могла бы конкурировать с греческой, римляне создали новую форму мифа – не как «истории об истоке», отнесенном в далекое недатируемое прошлое, а как развернутую во времени историю избранного народа. История «Вечного города», созданная на основе синтеза официальных хроникальных записей (анналов) и осколков родовых (семейных) легенд и преданий, получила выраженное ценностно-этическое измерение²⁶³, что придало «обосновывающему мифу» римлян большую жесткость, требовательность и универсальность, необходимые для формирования имперской идентичности. Обратной стороной этого процесса было то, что в эпоху принципата римская историография становится ареной ожесточенной идеологической борьбы (что не было характерно для греческой историографии, несмотря на всю ее известную полемичность), а императоры прилагают серьезные усилия с целью монополизировать «историю» (особенно, память о Республике), проводя, своего рода, «историческую политику», которая, разумеется, не ограничивалась только рамками «официальной историографии», то есть попытками литературно оформить новую концепцию римской истории.

Список источников и литературы

- App.** – Аппиан. Римская история / Пер. с греч. под ред. С. А. Жебелева, О. О. Крюгера [и др.] – М.: Ладомир, 2002.
- Cic. De Orat.** – Цицерон, Марк Туллий. Об ораторе // Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве / Пре. с лат. Ф. А. Петровского [и др.] Под ред. М. Л. Гаспарова. – М.: Ладомир, 1994.
- Cic. Fam.** – Цицерон, Марк Туллий. Письма к близким // Цицерон М. Т. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту / Пер. и комм. В. О. Горенштейна. В. 3-х тт. Т. 1. – СПб.: Наука, 2008.
- Gell.** – Геллий, Авл. Аттические ночи. Книги I–X / Пер. с лат. под общей ред. А. Я. Тыжова. – СПб.: Гуманитарная академия, 2007.
- Liv.** – Ливий, Тит. История Рима от основания Города / Пер. с лат. под ред. М. Л. Гаспарова и Г. С. Кнабе. В 3-х тт. Т. 1. Кн. I–X. – М.: Ладомир, 2005.

²⁶³ Этот аспект, между прочим, отличает «искусственный» римский эпос Вергилия от «естественного» греческого эпоса Гомера.

- Lucian. Hist.** – Лукиан. Как следует писать историю // Лукиан. Сочинения / Пер. с греч. под общей ред. А. И. Зайцева. В 2-х тт. Т. 2. – СПб.: Алетейя, 2001.
- Polyb.** – Полибий. Всеобщая история / Пер. Ф. Мищенко. – Любое изд.
- Suet.** – Светоний, Гай Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М. Л. Гаспарова. – Любое изд.
- Tac. Ann.** – Тацит, Публий Корнелий. Анналы // Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения. История / Пер. с лат. А. С. Бобовича, Г. С. Кнабе [и др.] – М.: Ладомир, 2001.
- Thuc.** – Фукидид. История / Пер. Г. А. Стратановского. – Любое изд.
- Махлаюк, Суриков (авт.-сост.) 2008** – Античная историческая мысль и историография: Практикум-хрестоматия для студентов ист. фак. ун-тов / Авт.-сост. А. В. Махлаюк, И. Е. Суриков. – М.: КДУ, 2008.
- Дементьева 2010** – Дементьева В. В. Римская civitas республиканской эпохи // Античный полис. Курс лекций / Отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. – М.: РФСОиН, 2010.
- Махлаюк 2010** – Махлаюк А. В. Полисно-республиканские структуры и традиции в эпоху принципата // Античный полис. Курс лекций / Отв. ред. В. В. Дементьева, И. Е. Суриков. – М.: РФСОиН, 2010.
- Сидорович 2005** – Сидорович О. В. Анналисты и антиквары: Римская историография конца III–I вв. до н.э. – М.: РГГУ, 2005.
- Brunt 2006** – Brunt P. A. Laus imperii // Imperialism in the Ancient World / P. D. A. Garnsey, C. R. Whittaker. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Gowing 2005** – Gowing A. M. Empire and Memory. The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Isaac 2004** – Isaac B. The Invention of Racism in Classical Antiquity. – Princeton–NJ: Princeton University Press, 2004.